

Наследный принц склонил голову набок, уклоняясь от пощёчины матери, и, перехватив её ледяное запястье, спокойно посмотрел на неё.

Императрица не ожидала, что взгляд робкого наследного принца вдруг окажется настолько пронзительным. Она невольно слегка задрожала, выдернула руку из хватки сына и медленно сказала:

— Неужели ты правда считаешь, что я поступила неправильно?

Наследный принц нахмурился и тихо ответил:

— Я не смею.

Императрица вдруг повысила голос и спросила:

— Неужели ты не знаешь, что Фань Сянь встречался со вторым принцем на цветочной лодке?

Наследный принц резко поднял голову и, посмотрев прямо в глаза императрице, спокойно ответил:

— Матушка, не могли бы вы позволить вашему сыну самому разобраться с этим делом? Вполне естественно, что он, будучи лучшим поэтом эпохи, встретился со вторым братом.

Императрица разволновалась и разозлилась, не зная, как ей следует разговаривать перед лицом этой свирепой стороны своего робкого сына.

Наследный принц глянул на неё и тихо сказал:

— Матушка, я часто думаю, не могли бы вы не реагировать так остро? Ведь так вы только заставите тех чиновников, кто мог бы стать поддержкой для меня, перейти на сторону моих братьев.

Стиснув зубы, императрица возразила:

— Я, мать государства, немного наказала мелкого чиновника, неужели он посмеет за это затаить на меня обиду?

Наследный принц с насмешкой ответил:

— Матушка, в тот день вам не следовало отдавать такой приказ министру Ханю. Вы же не собирались, и правда, забить Фань Сяня до смерти, так зачем было обижать семью Фань и

премьер-министра? Я думаю, что не пройдёт и нескольких дней, как министру Ханю придётся уйти в отставку. При дворе и так совсем немногие большие сановники, обладающие реальной властью, желали приблизиться к Восточному дворцу, а вам, как нарочно, захотелось самой отпугнуть их. Даже не знаю, о чём вы только думали.

Императрица нахмурилась:

— Хань Чживэй, в конце концов — министр. В тот день по высочайшему приказу в соответствии с законом он проводил допрос по делу, неужели премьер-министр и Фань Цзянь что-то могут ему сделать? За его спиной стоит Восточный дворец, и, кажется, император никогда не делал ничего, причиняющего вред твоей репутации как наследника престола.

— Не забывай, Фань Сянь — будущий глава Контрольной палаты, к тому же отец всегда очень ценил его, — наследный принц с раздражением выдохнул, покачал головой и, вздохнув, сказал. — В этот раз слишком многие из тех, кому нанёс обиду Хань Чживэй, весьма влиятельные люди. А, учитывая, что это отец хочет навести порядок в системе сдачи экзаменов, я бы вообще ни за что не стал бы заступаться за него.

Императрица холодно усмехнулась:

— Не забывай, что Фань Сянь тоже обидел немало столичных чиновников, к тому же дело затронуло и цензорат. Хотя твоя тётя далеко в Синьяне, но её влиянием при дворе, думается, нельзя пренебрегать.

— Не говорите мне про тётю, — наследный принц, похоже, питал лёгкое отвращение к старшей принцессе. — Последние два года она слишком уж странно себя ведёт. Вдруг сговорилась с Северной Ци — слишком уж наглый шаг, какой сильный удар по репутации нашей страны! Что же до цензора Го, то это просто её фаворит, с которым она забавлялась. Даже если Контрольная палата втайне убьёт его, она не моргнёт и глазом.

Наследный принц в конце концов — запасной правитель страны, и хотя все эти годы старшая принцесса была близка к Восточному дворцу, но после того, как листовки Фань Сяня, словно снег, засыпали столицу, наследный принц стал слегка побаиваться её. Конечно, была и другая причина.

Императрица опечаленно сказала:

— У нас нет других помощников, остаётся полагаться только на старшую принцессу.

— Я собираюсь полагаться на императора, — спокойно ответил принц, и сейчас этот, очевидно слегка трусливый, наследный принц наконец-то проявил свойственное всем членам императорской семьи врождённое политическое чутьё и рассудительность.

Императрица медленно прикрыла глаза, а потом произнесла:

— Всё равно мне не нравится этот Фань Сянь. Придумай, как сделать так, чтобы он умер.

Принц в гневе ударил рукой по столу:

— Умер? Неужели вы забыли, что Фань Сянь — муж Чэнь'эр? Хватит уже во всех делах слушать тётини подстрекательства, эта женщина просто безумна. Безумна, понимаете? Неужели вы тоже хотите потерять разум, чтобы вас прогнали из дворца?

Императрица разгневалась и затряслась всем телом, она указала пальцем на сына и дрожащим голосом произнесла:

— Да что ты знаешь? Да что ты знаешь? Да что ты знаешь? Что... что ты знаешь?

Похоже, слова принца разбередили рану императрицы, полученную ещё в юности. В гневе она даже сказать ничего не могла, кроме этих четырёх слов: «Да что ты знаешь?»

Евнухи и дворцовые служанки давно попрятались, в Восточном дворце остались только мать и сын. После долгого молчания императрица поднялась на ноги, но, похоже, почувствовала слабость и покачнулась. Наследный принц тут же подскочил и поддержал её, немного беспомощно признавая свою провинность.

Императрица с безмерной горечью посмотрела на своего сына, по углам её прекрасных фениксовых глаз показались морщинки. Она обессиленно сказала:

— Во все времена сложнее всего усидеть на месте наследного принца, нужно оберегать себя и спереди, и сзади. И в моей семье опять же никого нет. Ты, должно быть, не помнишь того, что происходило двенадцать лет назад, но я отлично помню. Если ты сам не идёшь в бой, тогда то, что изначально принадлежало тебе, приходят и забирают другие.

Наследный принц заставил свой голос звучать мягче и нежнее и тихо сказал:

— Ваш сын понял, матушка, возвращайтесь к себе во дворец отдохнуть.

Императрица покачала головой:

— Ты не понимаешь, не понимаешь. В эти несколько дней у меня появилось другое предчувствие. Это очень сильное чувство, прямо как много лет назад, когда та женщина

пришла в столицу.

— Какая женщина? — с любопытством спросил принц.

Но в этот момент кто-то вдруг толкнул тяжёлую деревянную дверь Восточного дворца.

— Кто там?! — гневно воскликнул нахмурившийся принц.

Вошёл сгорбленный старый главный евнух и с большим почтением сказал:

— Старый слуга Хун Сянь по приказу вдовствующей императрицы пришёл пригласить императрицу во дворец Добродетели на праздный разговор.

На лице императрицы на мгновение отразился страх, но его тут же сменила лёгкая улыбка. Она с достоинством и гордой осанкой, опираясь на руку дворцовой служанки, последовала за сгорбленным главным евнухом Хуном, отправляясь к настоящей хозяйке императорского дворца.

Наследный принц слегка нахмурился. Хотя ему чрезвычайно не нравилась беспардонность этого старого пса, но он знал, что тот — самый близкий наперсник его бабушки, которого даже его мать старалась не сердить, поэтому он тоже, конечно, ничего такого не предпринимал.

Во дворце медленно потухли свечи, наследный принц Ли Чэнцян подумал о фарсе, что случился в тот день в министерстве наказаний, и у него на душе стало ещё мрачнее. Он никак не мог понять, почему матушка настолько беспрекословно слушается старшую принцессу. При мысли о своей молодой прекрасной тётушке у наследного принца закипела кровь, и он покраснел от стыда. Хотя он и был в лёгком смятении, но в его взгляде медленно проступило вожделение.

Он взмахнул рукавом и пошёл обратно в комнаты дворца, а через миг послышался еле различимый томный стон. Дворцовая служанка извивалась под его телом, он задрал её одежду вверх, обнажив белые колыхающиеся груди и полностью закрыв тканью её лицо. Тяжело дыша, он вторгся в её лоно, продолжая думать о прекраснейшей и нежнейшей женщине Поднебесной. И почему ему недостаточно было просто послушного тела в кровати, обязательно нужно было обманывать себя такой глупой уловкой?

Пришла весна, распустились цветы, зачирикали птички. Ян Ваньли и его друзья — многообещающие чиновники — снова пришли в имение Фаней. Они хотели немного побыть в компании молодого господина Фаня и не ожидали, что сегодня его снова не окажется дома. Ещё больше головной боли Хоу Цзичану причинило то, что они узнали: молодой господин Фань Сянь сейчас выполнял какое-то задание, а уже завтра отбывал с миссией послов в Северную

Ци.

Вторые на экзамене не поступали в академию Ханьлинь: согласно правилу прошлых лет им предписывалось отправиться служить чиновниками в далёкие пограничные места. Совсем скоро Министерство чинов отправляло их в эту командировку. За исключением Ши Чаньли остальные трое, конечно, желали услышать напутствие Фань Сяня, ведь на экзаменах они добились таких успехов, опираясь на его возможности. Они, само собой, полагали, что Фань Сяню наверняка нужно, чтобы теперь они на своих местах что-то сделали.

Они никак не ожидали, что в итоге Фань Сянь так и не увидится с ними, а лишь оставит два письма. Одно письмо предназначалось для троих новых чиновников, которые в скором времени покидали столицу, а другое было написано для Ши Чаньли, который собирался вернуться в родные края.

Четверо друзей сидели в кабинете имения Фаней. Не разбирая вкуса, они отпили поданный слугами хороший чай, а потом несколько сконфуженно вскрыли одно из двух переданных им привратником писем.

В конверте для новых чиновников был белый листок бумаги с простой фразой на нём:

«Как следует старайтесь быть людьми, как следует старайтесь быть чиновниками».

И в конце Фань Сянь дописал специально для Хоу Цзичана: «Цзичан, не стоит так сильно бояться жены*».

Это был не смешной юмор, который понимал только Фань Сянь, а для троих друзей он остался загадкой, поэтому они всё внимание сосредоточили на первой фразе. «Как следует старайтесь быть людьми, как следует старайтесь быть чиновниками». Чем больше они смотрели на неё, тем больше им казалось, что в этих простых словах действительно собран в высшей степени практический смысл. Если хочешь научиться быть чиновником, сначала, разумеется, надо научиться быть человеком.

Однако в этих словах был и другой смысл. Непонятно, кто из них додумался до него: «как следует стараться быть человеком» не то же самое, что быть хорошим человеком. «Как следует стараться быть чиновником» тоже не означает быть хорошим чиновником.

После того, как они закончили обсуждать письмо, Ян Ваньли, конечно же, поинтересовался письмом Ши Чаньли. Что же молодой господин Фань написал для него? Ведь из них четверых только его будущее выглядело неопределённым.

Под взглядами трёх друзей Ши Чаньли немного взволнованно вскрыл свой конверт. Как ни

посмотри, в письме было всего несколько строк, грозящих вызвать смех:

Кто дело знает, часто остаётся не у дел,

Судьба в руках людских на три лишь части.

На семь частей судьбу решает неба передел.

Не вечны беды, не страшись напасти.

И под зонтом без друга сильно не грусти.

В веселье будь, и я вернусь, лишь праздно жди.

Последние слова «лишь праздно жди», конечно, означали ждать возвращения Фань Сяня.

В это время Фань Сянь сидел в доме со двором, купленном когда-то им самим, и слегка хмурился. Его пальцы поглаживали полый внутри ремень, нащупывая несколько пилюль, которые ещё в детстве дал ему Фэй Цзе. Тогда старый учитель сказал, что если с его внутренней жёсткой ци случится какая-нибудь проблема, то эти пилюли помогут спасти ему жизнь. Только после приезда в столицу внутренняя жёсткая ци всегда была очень покладистой, он даже успел позабыть об этом деле. Сегодня во время сборов он вновь вспомнил о нем. Столько лет прошло, и он даже не знал, утратило ли лекарство Фэй Цзе в итоге свою эффективность.

Сидевший напротив него Ван Цинянь с уважением сообщил:

— Человека уже нашли, — он с некоторым сомнением поднял голову: — Похож-то, безусловно, похож. Господин Фань в совершенстве освоил искусство изменения внешности, если ещё немного улучшить, то простой человек издали не заметит разницы. Но всегда есть недочёты.

— Какие недочёты? — слегка вздрогнув, спросил Фань Сянь. — Разве ты не сказал, что он очень похож? Я работал над этим целый месяц, даже цвет кожи очень близкий.

Ван Цинянь тихо ответил:

— Среди этого отродья найти кого-то настолько же прекрасного в поведении и манерах, как вы, и так очень непросто. Даже при внешнем сходстве сыграть роль кандидата на пост главы Контрольной палаты, этого от природы наделённого выдающимся характером, образованного и одарённого в поэзии юноши, слишком уж сложное дело.

Фань Сянь замер на мгновение, и до него сразу же дошло, в чём проблема. С улыбкой он заругался:

— Твои комментарии в плане подхалимства достигли новых высот, чем больше ты критикуешь, тем прекраснее и безудержнее лезть.

*бояться жены - это намёк на фразеологизм из современного китайского языка «страх Цзичана», означающего боязнь жены. Конечно, в мире, где сейчас Фань Сянь, об этом фразеологизме никто не знает.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2715954>